

— Не так уж и много, — Цюй Фушэн покачала головой, и её губы едва заметно дрогнули в подобии улыбки. — Я слишком стеснялась разговаривать с другими. Большую часть времени я проводила за чтением в местной библиотеке.

Этот ответ заставил всех одноклассников в классе рассмеяться: оказывается, великий гений в детстве тоже бывала застенчивой. Нин Ваньфэн посмотрела на её слегка покрасневшие мочки ушей и вдруг почувствовала, как у неё на душе стало тепло и мягко, словно во рту оказалась только что растаявшая конфета.

— Время вышло, — учитель с улыбкой захлопал в ладоши. — Прекрасно, особенно Цюй Фушэн: произношение стандартное, речь беглая, совершенно не похоже на заучивание текста, очень живо и естественно. Всем стоит поучиться у неё.

Цюй Фушэн опустила голову, и покраснение на её ушах стало ещё заметнее. Она раскрыла учебник английского и притворилась, что усердно изучает слова, но кончики её пальцев снова и снова оглаживали буквы Нью-Йорка, словно пытаясь в чём-то убедиться. Те слова, что она только что произнесла, были сказаны ей в классе о своём детстве впервые в жизни, и даже она сама находила это немного неожиданным.

Окружающие ученики всё ещё обсуждали её беглый английский, а Ван Хао даже повернулся назад и корявым английским произнес «teach me please», вызвав всеобщий взрыв смеха. Цюй Фушэн не обратила внимания на этот шум, лишь почувствовала, как утренний свет падает на учебник, согревая всё вокруг, точно солнце в детской библиотеке Нью-Йорка.

— Твой английский просто невероятен! — голос Нин Ваньфэн раздался совсем близко, в нём звучало восторженное ликование. — Произношение даже лучше, чем у учителя английского! Ты что, тайком ходила на какие-то курсы? Возьми меня с собой!

Её низкий конский хвост свисал ровно посередине между их партами, а кончики волос скользнули по рабочей тетради Цюй Фушэн, оставив после себя лёгкий аромат гардении.

Движения Цюй Фушэн, перелистывавшей страницы, на миг замерли, а взгляд упал на старую фотографию, вложенную в учебник. На ней было запечатлено, как в семилетнем возрасте она стояла на улице Нью-Йорка с точно такой же причёской, рядом с жёлтым такси, держа в руке огромный хот-дог и улыбаясь так широко, что виднелись два передних зуба. Края фотографии уже слегка пожелтели, но она бережно прижала её под стеклом, спрятав на самой толстой странице учебника.

— В детстве я жила в Нью-Йорке, — её голос прозвучал очень тихо, словно она рассказывала чужую историю, но в нём чувствовалось чуть больше тепла, чем обычно. Это был первый раз, когда она по собственной инициативе заговорила с одноклассниками о своей жизни, и от этого у неё даже кончики пальцев слегка покалывало от странного волнения.

Глаза Нин Ваньфэн мгновенно загорелись, словно зажжённые маленькие фонарики:

— Правда? И как долго ты там прожила? Неужели там действительно столько небоскрёбов, как в кино?

Её вопросы сыпались как из пулемёта, а глаза за чёрной оправой очков сияли от любопытства, напоминая ребёнка, открывающего для себя целый мир.

Уголки губ Цюй Фушэн слегка изогнулись, на этот раз без всяких попыток скрыть улыбку:

— Шесть лет, с шести до двенадцати. Небоскрёбов действительно много, и если стоять на улице и задирать голову, кажется, что небо имеет форму квадрата.

Кончик её пальца вычертил на парте квадрат:

— Но больше всего я любила улочки Бруклина. Там повсюду граффити и фургончики с мороженым ручной работы, а мятное — самое вкусное.

Эти слова словно открыли какой-то потайной замок: Цюй Фушэн, обычно скупая на слова, неожиданно произнесла так много. Нин Ваньфэн заслушалась настолько, что даже не заметила, как учитель начал объяснять новый урок, и только когда преподаватель назвал её имя, испуганно вскочила на ноги, а её щеки покраснели, как спелые яблоки.

— Нин Ваньфэн, как по-английски описать уличные пейзажи Нью-Йорка, о которых только что рассказывала Цюй Фушэн? — в глазах учителя мелькнула усмешка.

Нин Ваньфэн открыла рот, но долго не могла вымолвить ни единого слова, и лишь когда Цюй Фушэн подсказала ей с места беззвучной артикуляцией, кое-как справилась. Садясь на место, она исподтишка грозно глянула на Цюй Фушэн, но уголки её губ невольно продолжали улыбаться, как у ребёнка, тайком съевшего сладость.

На большой перемене Цюй Фушэн окружили несколько девочек, наперебой расспрашивавших о секретах изучения английского. Она не привыкла к такому вниманию и уже собиралась найти предлог, чтобы ускользнуть, как вдруг Нин Ваньфэн протиснулась вперёд и выпалила:

— Великому гению Цюй нужно отнести тетради учителю физики, задавайте свои вопросы в другой раз!

При этом она ещё и подмигнула ей, словно говоря: «Я тебя выручила».

Цюй Фушэн на мгновение растерялась, но вовремя кивнула в такт её словам и последовала за ней, выбравшись из толпы. Оказавшись в коридоре, Нин Ваньфэн наконец разжала пальцы, державшие её за руку, но тепло её ладони всё ещё ощущалось на коже, словно от крошечной грелки.

— Спасибо, — голос Цюй Фушэн звучал немного неестественно.

— За что спасибо-то? — Нин Ваньфэн махнула рукой, и её низкий хвост качнулся за спиной. — На улочках Бруклина, про которые ты говорила, ведь полно художников? Я видела в документальном фильме, что таможенные граффити регулярно обновляются, прямо как музей под открытым небом.

Цюй Фушэн слегка удивилась:

— Ты тоже это видела?

— Угу! — Нин Ваньфэн энергично кивнула, а её глаза засияли звёздами. — Я ужасно люблю такие живые места, кажется, будто в самом воздухе витает запах краски. Совсем не то что у нас: кроме экзаменов и зубрежки ничего нет, порой жизнь кажется чистым листом бумаги.

Глядя на её сияющее во время разговора лицо, Цюй Фушэн вдруг вспомнила те яркие граффити на улицах Нью-Йорка, которые действительно походили на сладкую глазурь, нанесённую поверх серого города. Она достала из кармана маленький блокнот, куда обычно записывала физические формулы, открыла последнюю страницу и показала на простой рисунок человечка с кистью в руке, рядом с которым по-английски было выведено: «color the world».

— Я нарисовала это в детстве, — произнесла она, протягивая блокнот Нин Ваньфэн, а в её голосе звучало едва уловимое волнение. — В общественной библиотеке Нью-Йорка, когда увидела граффити на стене.

Нин Ваньфэн взяла блокнот, посмотрела на кривобокого человечка и вдруг рассмеялась:

— Немного похоже на твоих маленьких динозавриков, такие же живые.

Она вытащила из пенала текстовыделитель и пририсовала рядом с человечком солнышко:

— Так стало ещё ярче.

Жёлтое солнце выделялось на белой бумаге особенно резко, словно на неё мазнули настоящим солнечным светом. Когда Цюй Фушэн забирала блокнот обратно, их пальцы случайно соприкоснулись, и обе отдёргнули руки, словно от удара током, а их щеки заметно порозовели.

Когда прозвенел звонок на урок, Нин Ваньфэн вприпрыжку побежала обратно в класс, и её низкий хвостик вычертил в коридоре лёгкую дугу. Цюй Фушэн проводила взглядом её спину и коснулась блокнота в кармане — кончики пальцев казались ещё горячими от прикосновения маркера. Она вдруг подумала, что те скрытые на дне души воспоминания о Нью-Йорке, пожалуй, не так уж трудно произнести вслух.

На уроке английского во второй половине дня учитель велел всем написать небольшое сочинение на тему «Интересная история из детства». Принявшись за дело, Цюй Фушэн вместо обычного выведения формул написала: «New York». Она рассказала о жёлтых такси, о старых

книгах в библиотеке, о мятном мороженом в переулках, а в самом конце нарисовала маленькое солнышко — точь-в-точь такое же, как у Нин Ваньфэн.

Солнечный свет проникал сквозь окно, падая на бумагу и согревая английские слова. Глядя на солнце, нарисованное на листе, Цюй Фушэн внезапно подумала, что эту чистую белую бумагу жизни, возможно, стоит попробовать разукрасить хоть немного. А Нин Ваньфэн, должно быть, и есть та самая яркая жёлтая капля, случайно упавшая в её серый мир.

Глава 7. В путь вместе

Мелодичный звонок на вечернюю самоподготовку протяжно и лениво раскатился по учебному корпусу. Последний урок был посвящен самостоятельной работе, и большая часть учеников уже разошлась, остались лишь редкие фигуры, склонившиеся над задачками — шуршание грифелей о бумагу напоминало стрекотание осенних цикад в траве.

Когда Цюй Фушэн сдавала сборник задач по физике для олимпиадников, её пальцы на мгновение замерли на обложке. Решение последней дополнительной задачи оказалось куда сложнее, чем предполагалось, и ушло ровно три листа черновиков, исписанных перекрещивающимися линиями электромагнитного поля, похожими на спутавшуюся паутину. Она поправила серебряную очковую оправу на переносице, чьи стёкла покрылись лёгким налётом меловой пыли, и проткнула их пару раз, прежде чем те снова стали прозрачными. Небо за окном уже окончательно почернело, и лишь уличные фонари в коридоре освещали стены, отбрасывая тени деревьев, напоминавшие ожившую тушёвую живопись.

Собирая ранец, она на миг задержала пальцы на тетради по истории. Этот тёмно-коричневый блокнот лежал у неё на самом верху, а магнитный динозаврик мягко поблескивал под светом настольной лампы. Вчера, объясняя Нин Ваньфэн тему Великих географических открытий, она заметила, что та зарисовала маршруты каждого мореплавателя в виде следов маленьких динозавров — кривых и неровных, но на удивление легко запоминающихся. При этой мысли уголки губ Цюй Фушэн едва заметно изогнулись, чего она даже не заметила сама.

— Цюй Фушэн, ещё не уходишь? — её соседа по парте сзади Чжоу Янь поднялся со своего места, тяжело зевая. — Классный сегодня зверствует, те, кто остался до сих пор — настоящие герои.

Его взгляд скользнул по лежащей на парте рабочей тетради Цюй Фушэн, и он свистнул:

— Всё ещё воюешь с физикой? Ну ты даёшь.

Цюй Фушэн тихонько ответила «угу» и запихнула последнюю ручку в пенал. Чжоу Янь подвинулся ближе и понизил голос:

— Я тут только что видел, как Нин Ваньфэн околачивается в коридоре, похоже, кого-то ждёт. Как думаешь, не она ли...

Он не успел договорить, как ледяной взгляд Цюй Фушэн заставил его умолкнуть. Он виновато потёр нос:

— Ладно, я пошёл, пока.

В классе воцарилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь её собственным дыханием. Цюй Фушэн перекинула рюкзак через плечо и, едва дойдя до двери, услышала позади резкий скрежет отодвигаемого стула — Нин Ваньфэн торопливо поднималась со своего места, да так спешно, что задела стоящую в ногах урну для мусора, издавшую глухой звонкий стук.

— Ой! — тихонько вскрикнула она и поспешно бросилась поднимать корзину, а её низкий хвост качнулся на грудь, и кончики волос мазнули по тыльной стороне ладони, вызвав щекотку.

Очки в чёрной оправе съехали на самый кончик носа. Поднимая руку, чтобы поправить их, она случайно встретила взглядом с Цюй Фушэн, и её щеки мгновенно запылали.

— Ещё не ушла? — голос Цюй Фушэн прозвучал очень тихо, словно она боялась потревожить ночную тишину.

— А... я только что собралась, — Нин Ваньфэн поставила корзину на место, смахнула пыль с рук, а взгляд её забегал. — Сегодняшний математический тест был просто ужасно сложным, вот я и провозилась так долго.

Она украдкой глянула в окно, где свет уличных фонарей падал на её лицо, отчётливо высвечивая растерянность.

— Эм... ты ведь тоже только что собралась?

Цюй Фушэн кивнула, но ничего не ответила. Ветер из распахнутого коридорного окна ворвался внутрь, растрепав её пряди, а кончики волос задели ухо, принеся с собой прохладу. Она заметила, что молния на рюкзаке Нин Ваньфэн застёгнута не до конца, из-за чего виднелась тетрадь по истории литературы, на обложке которой от дуновения ветерка слегка шевелился портрет Ли Цинчжао.

Они шли рядом к лестничной площадке, и их шаги звонко эхом разносились по пустому коридору, словно складываясь в простую мелодию. Нин Ваньфэн шла чуть медленнее обычного, о чём-то раздумывая и несколько раз едва не наступив на тень Цюй Фушэн.

— Слушай... — когда они приблизились к лестнице, Нин Ваньфэн заговорила чуть тише, с некоторой робкой и осторожной интонацией. — Я немного боюсь темноты, а мы случайно... не в одну ли сторону идём?

Её пальцы нервно теребили лямку рюкзака, а глаза за чёрной оправой светились робкой надеждой, напоминая брошенного котёнка, ожидающего, пока его приютят.

<http://bllate.org/book/28186/3408549>